

**В.П.
Моисеев,
А.В.
Моисеева**

НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье рассматривается проблема возможности реализации положений статьи 20 Конвенции ООН против коррупции в правоприменительной практике Российской Федерации. С этой целью, необходимо по мнению авторов внесение изменений в ряд нормативных актов. Это позволит, не ущемляя конституционных прав граждан, добиться противодействия незаконному обогащению.

Ключевые слова: незаконное обогащение, презумпция невиновности, правовая система, норма права, ратификация, Конвенция ООН против коррупции.

**V.P. Moiseyev,
A.V. Moiseyev**

ILLEGAL ENRICHMENT AS THREAT OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

In article the problem of a possibility of implementation of provisions of article 20 of the Convention of the UN against corruption in law-enforcement practice of the Russian Federation is considered. For this purpose, modification in a row of regulations is necessary according to authors. It will allow, without striking at constitutional rights of citizens, to achieve counteraction to illegal enrichment.

Keywords: illegal enrichment, an innocence presumption, legal system, rule of law, ratification, the Convention of the UN against corruption.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ в полном объеме без каких-либо изъятий. Продолжающаяся среди политиков, журналистов, политологов и социологов всех уровней дискуссия о необходимости ратификации статьи 20 Конвенции тем не менее «имеет место быть».

Конвенция ООН криминализирует незаконное обогащение, но с тремя оговорками:

- следование конституции;
- соблюдение основополагающих принципов правовой системы;
- предложение лишь рассмотреть возможность принятия соответствующих мер.

Вообще прямое и непосредственное применение норм международного права, предусматривающих уголовную ответственность в российской судебной практике невозможно. Международные договорные нормы, предусматривающие уголовную ответственность, требуют имплементации в уголовном законодательстве Российской Федерации [5, с. 113–114].

Дословно в Конвенции указывается, что «при условии соблюдения конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно-наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» [7, с. 5].

Высказывание о том, что Российская Федерация в отношении незаконного обогащения ввела какие-то ограничения при принятии Конвенции ООН лишены оснований, поскольку сама Конвенция не предусматривает никаких ограничений или оговорок. Сама ратификация никаких дополнительных ограничений не предусматривает. Поэтому Конвенция ООН против коррупции применительно к Российской Федерации действует без всяких изъятий в полном объеме.

Между тем, ч. ст. 49 Конституции РФ освобождает обвиняемого от обязанности доказательства своей невиновности. Поэтому в специальной литературе доминирует мнение о том, что введение в Уголовный кодекс РФ положений ст. 20 Конвенции ООН против коррупции маловероятно.

Это обстоятельство тонко заметил еще в 2006 г. К.И. Косачёв, ныне Председатель Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Он обратил внимание на различие толкования понятий «оговорка» и «толковательное заявление». При подписании многосторонних международных соглашений каждое из подписывающих его государств имеет право на оговорку.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции целиком, без изъятий. Поэтому дополнительно никакая ратификация не требуется. Однако толковательные заявления, которые

сопровождали ратификацию Конвенции ООН против коррупции в 2006 г. по мнению К.И. Косачёва дают почву для продолжающейся дискуссии [6].

Среди российских юристов и политиков широко распространено мнение о том, что внесение в Уголовный кодекс РФ понятия «незаконное обогащение» и введения в него положений ст. 20 Конвенции ООН против коррупции нецелесообразно и даже невозможно. Аргументация такой позиции снова упирается в ч. 2 ст. 49 Конституции РФ.

В этой связи нельзя игнорировать то обстоятельство, что провозглашенная Конституцией РФ презумпция невиновности имеет ограничения в отношении государственных служащих, о чем напрямую указывает ст. 56 Конституции РФ. На это же указывает определение Конституционного Суда РФ 169-0-0 от 20 марта 2007 г.: провозглашенное конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию не исключает возможности законодательного закрепления конкретных требований к лицам, занимающим должности в органах государственной власти и местного самоуправления, в том числе осуществляющим деятельность на должностях судей. Лица, имеющие российское гражданство и давшие согласие реализовать это конституционное право, в добровольном порядке принимают как определенные законом преимущества и льготы, так и конкретные ограничения. Публично-правовой статус лица налагает на него установленную законом процедуру. Специфика этого статуса предполагает определенные запреты и ограничения, которые нельзя рассматривать как незаконное усечение конституционных прав и свобод такого лица.

Это обстоятельство является достаточной правовой основой для признания подпадающим под юрисдикцию уголовного законодательства деяния, совершенного умышленно незаконного обогащения: значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающего его задекларированные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать [2, с. 37–38].

По официальным данным численность лиц, занимающих должности в органах государственной власти и управления РФ составляет 1,5 % от численности граждан РФ. Поэтому можно полагать, что введение уголовного преследования за незаконное обогащение коснется более двух миллионов весьма компетентных, инициативных и облеченных властными полномочиями граждан РФ.

Тремя годами раньше Конституционный Суд РФ в определении № 299-0 от 30 сентября 2004 г. отмечал, что гражданин, изъявивший желание реализовать конституционное право, предусмотренное ч. 1 ст. 37 Конституции РФ при осуществлении своей деятельности в органах

государственной власти и местного самоуправления в добровольном порядке принимает ограничения, преимущества и условия, связанные с приобретаемым им публично-правовым статусом должностного лица и выполняет в полном объеме все требования согласно оговоренной в законе процедуре, не ограничен в конституционных правах и никаких нарушений конституционных норм в этом случае нет.

Федеральный закон № 230-ФЗ от 3 декабря 2012 г. «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» вступил в силу более 3 лет назад с 1 января 2013 г. В соответствии со ст. 16, 17 этого закона все материалы, полученные в ходе проверки расходов этих лиц, а также их супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, свидетельствующие о несоответствии их доходам должны в трехдневный срок после завершения проверки направляться в органы прокуратуры лицами, принимавшими решение об осуществлении контроля. Генеральный прокурор РФ и подведомственные ему прокуроры субъектов федерации при получении таких материалов должны обращаться в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций, долей и паёв в уставных капиталах организаций в установленном законодательством о гражданском судопроизводстве порядке, если лицо не представило сведений, подтверждающих законность приобретенных активов. Перечень должностей, органов государственной власти и местного самоуправления, на которые распространяется действие, содержится в п. 1 ч. 1 ст. 2, Закона.

Со времени вступления в законную силу нормы этого закона не заработали, в органы прокуратуры такие материалы не поступают, а поэтому в суды прокуроры и не обращаются. Очевидно, чтобы эта норма заработала необходима конкретизация этого Закона, а возможно и внесение соответствующих поправок в ГК и ГПК.

Более эффективным способом практической реализации ст. 20 Конвенции ООН, против коррупции будет имплементация её в Уголовный кодекс РФ. Однако это потребует дополнительных шагов:

В законодательный оборот параллельно с понятием «Презумпция невиновности» необходимо будет ввести понятие «Презумпция виновности» за незаконное обогащение, когда активы должностного лица многократно превышают его законные и задекларированные доходы. В рабочем первоначальном варианте презумпцией виновности можно считать обязанность обвиняемого (подсудимого) в коррупции должностного лица, доказать на следствии и в суде легитимность и законность полученных ими доходов или имущества

[4, с. 11; 3, с. 11]

Уголовный процесс при действующих институтах демократии носит состязательный характер, как гражданский и арбитражный. Суд, выслушав различные несовпадающие точки зрения от участников процесса (обвинения и защиты), взвешивает, с точки зрения закона, все доказательства и принимает законное и справедливое решение. Система уголовной юстиции России должна в приоритетном порядке защищать законные права и интересы законопослушных граждан, а не только обвиняемых. В полной форме или частично презумпция виновности существует во многих странах, имеющих большой опыт противодействия преступным посягательствам (США, страны Латинской Америки, Ирландия, Дания, Бельгия) [1, с. 2–8]. Но она там вводилась хронологически раньше принятия Конвенции ООН против коррупции, и поэтому сама Конвенция не включена в их национальные законодательства. В различных вариантах ответственность за незаконное обогащение фигурирует в законодательствах о государственной службе, трудовом, налоговом и, конечно, уголовном. Несмотря на это, с проблемой незаконного обогащения в этих странах знакомы по сей день. Законодательство не поменяло природу человека с его извечным стремлением к повышению уровня своего благополучия, но масштабы этого явления оно поставило в социально приемлемые рамки.

Презумпция невиновности – вероятно, самая известная и детально регламентированная в законодательстве, она по-прежнему широко обсуждается. Но это не единственная правовая презумпция, есть и иные, которые пока не привлекают внимание специалистов и не дискутируются. Однако в связи с обострением внутренних и внешних вызовов и угроз национальной безопасности России, применительно к антикоррупционной проблематике – эта тема должна быть всесторонне изучена и разработана. Возможно, для этого понадобится корректировка ст. 49 Конституции РФ предусматривающей постулат: «Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Конституция государства – не священное писание. Меняется социальная структура, экономика, внешние условия. Эти изменения должны синхронно отражаться в изменениях и поправках в основном законе государства, его уголовном, гражданском, арбитражном законодательствах.

Корреспондирующий с этим вопрос – возвращение в УК РФ конфискации имущества за незаконное обогащение, а также за совершение всех тяжких и особо тяжких преступлений коррупционной направленности как вид дополнительного наказания с внесением соответствующих изменений в ст. 44, 45, и 52 УК РФ.

Список использованной литературы

1. Алексеев А. Презумпция против коррупции / А. Алексеев // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 2–8.
2. Дамаскин О.В. Актуальные вопросы законодательного обеспечения ответственности государственных служащих за незаконное обогащение / О.В. Дамаскин, А.Н. Волков // Современное право. – 2012. – № 4. – С. 37–38.
3. Козлов Т.А. О развитии института декларирования доходов публичными служащими / Т.А. Козлов // Вопросы правообразования. – 2012. – № 2. – С. 214.
4. Лут С.С. Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования антикоррупционного законодательства России / С.С. Лут // Российский следователь. – 2010. – № 22. – С. 11.
5. Михайлов В. Статья 20 Конвенция ООН против коррупции об ответственность за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идей в правовой системе Российской Федерации / В. Михайлов // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 113–114.
6. Косачев К. Не допустить подмены понятий [Электронный ресурс] / К. Косачев // Российская газета. – 2011. – № 162. – Режим доступа: <http://rg.ru/2011/07/23/Kosachev-site>.
7. Синельщиков Ю. Пути реализации статьи 20 Конвенции ООН против коррупции в Российском законодательстве и прокурорской практике / Ю. Синельщиков // Законность. – 2014. – № 2. – С. 5.

Информация об авторах

Моисеев Владимир Павлович – зам. директора Института национальной и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», к. ф. н., доцент, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11, корп. 5, e-mail: nb@isea.ru.

Моисеева Анастасия Владимировна – магистрант ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Authors

Moiseyev Vladimir Pavlovich – deputy director of Institute of National and Economic security FGBOU WAUGH «The Baikal state university», to. t. N., associate professor, 664003, Irkutsk, Lenin St., 11, block 5, e-mail: nb@isea.ru.

Moiseyeva Anastasia Vladimirovna – FGBOU WAUGH «Baikal state university», undergraduate, 664003, Irkutsk, Lenin St., 11.